

УТВЕРЖДАЮЩИЙ ПАФОС СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Советская литература — литература нового мира, рожденного Октябрьской революцией.

В советском обществе коренным образом изменились отношения литературы к действительности. Теперь лучшие гуманистические идеалы, воодушевляющие передовую литературу, не находятся в противоречии с действительностью, а воплощаются в ней. Новое идейное и жизненное содержание лежит в основе сложившегося в советской литературе реализма нового типа — социалистического реализма.

Если попытаться обобщить главное историческое свойство, основной пафос советской литературы в сжатом определении, то следовало бы сказать о ее утверждающем характере. Именно в утверждении «сущего» и раскрытии богатейших возможностей реальной действительности, в борьбе со всем тем, что мешает дальнейшему развитию социалистического общества, заключается главная задача советской литературы, ее общественно-политическая и идейно-эстетическая значимость. На вопросе об утверждающем характере литературы социалистического реализма мы и хотим остановиться в настоящей статье.

1

К этому вопросу следует подойти с точки зрения исторической и социологической. Для понимания исторического своеобразия литературы нашей эпохи первостепенное значение имеют высказывания В. И. Ленина о советской действительности, о путях преобразования общества в переходный период.

Уже в первые годы советской власти В. И. Ленин подчеркивал, что главное в нашей революции — «положительная или созидательная работа»,¹ что рядом с задачей преодоления сопротивления буржуазии «столь же неизбежно выдвигается — и чем дальше, тем больше — более существенная задача положительного коммунистического строительства, творчества новых экономических отношений, нового общества» (т. 29, стр. 386).

Революция, говорил Ленин, «подняла жажду строительства и творчества в массах» (т. 27, стр. 157), и развернулась кипучая «работа нового строения жизни». Ленин учил находить и видеть подлинное новое в труде, в быту, в области культуры, «ухаживать» за ростками нового, поддерживать их.

Впервые в истории человечества общество стало на путь сознательного и целеустремленного строительства коммунизма. Именно поэтому велика у нас сила примера. Читателей нужно, писал Ленин, знакомить «с образцовой постановкой дела в немногих опережающих другие трудовых коммунах государства» (т. 27, стр. 177), следует описывать примеры «образцовой коммунистической работы» (т. 29, стр. 397).

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 27, стр. 213. В дальнейшем ссылки на ленинские работы даются в тексте.

Новое побеждает не только в общественных отношениях, но и в сознании людей. Положительное коммунистическое строительство предполагает, говорит Ленин, «перedelку массы» (т. 31, стр. 345), воспитание нового, социалистического человека. Воспитательная задача — это «основная задача всего социалистического переворота» (т. 31, стр. 340).

Старые привычки, старую психологию нельзя преодолеть сразу. Борьба с ними, переработка «трудовых навыков и нравов — дело десятилетий» (т. 31, стр. 103). Силы и традиции старого общества могут быть преодолены лишь путем долголетней работы.

В речи на третьем съезде комсомола Ленин подчеркнул, что задача воспитания новых поколений не может быть решена одними культурно-просветительными мерами, книжным изучением коммунизма. Ведь человек воспитывается также самой действительностью, общественным бытием, и пока в жизни будут еще сохраняться пережитки капитализма и мелкого производства, останутся и объективные условия для существования и возрождения старых привычек и взглядов. Задача перевоспитания решается, наряду с систематической пропагандой коммунистических идей, собственным практическим опытом людей, их активным участием в строительстве социализма. В этом смысл ленинского лозунга, обращенного к молодежи, учиться коммунизму.

Рост нового в общественных отношениях, в сознании и психологии людей — вот наиболее существенные стороны советской действительности. Эти черты советского общества нашли выражение и в литературе. Литература нашей эпохи проникалась созидательным пафосом и устремленностью в коммунистическое будущее, отстаивала и утверждала новый строй, активно участвовала в социалистическом строительстве, в воспитании нового, социалистического человека.

Преобразование общества охватывает целую историческую эпоху. Нельзя рассчитывать «на непосредственно коммунистический переход» (т. 33, стр. 46). В статье «От разрушения векового уклада к творчеству нового» (1920) Ленин писал: «Строить новую дисциплину труда, строить новые формы общественной связи между людьми, строить новые формы и приемы привлечения людей к труду, это — работа многих лет и десятилетий» (т. 30, стр. 482—483).

Период перехода от капитализма к коммунизму, говорил Ленин, «не может не соединять в себе черты или свойства обоих этих укладов общественного хозяйства. Этот переходный период не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом; — или иными словами: между побежденным, но не уничтоженным, капитализмом и родившимся, но совсем еще слабым, коммунизмом» (т. 30, стр. 87).

В этом основа противоречий переходной эпохи.

Цель — уничтожение классов — может быть достигнута лишь путем долгой, трудной, упорной классовой борьбы.

Новое утверждается в острой борьбе со старым. Оно не существует отдельно, изолированно от старого. Вот почему одним из условий движения советского общества является раскрытие его противоречий с целью преодоления пережитков и влияний буржуазного общества и устранения недостатков в нашей жизни. Таким образом, новое в нашей жизни утверждается не только путем распространения положительных примеров, но и путем критики всего того, что мешает развитию нового.

Движение к коммунизму — сложный жизненный процесс. Ленин указывал, что новое содержание жизни (борьба за советскую власть, борьба за победу социализма) «может и должно проявить себя в любой форме, и новой и старой, может и должно переродить, победить, подчинить себе

все формы, не только новые, но и старые, — не для того, чтобы со старым помириться, а для того, чтобы уметь все и всяческие, новые и старые формы сделать орудием полной и окончательной, решительной и бесповоротной победы коммунизма» (т. 31, стр. 83).

Это делает процесс становления новой жизни весьма сложным. Не во всем здесь можно разобраться сразу, с первого взгляда. Только тщательное изучение позволяет прийти к правильным выводам, помогает увидеть новое, которое вырастает на старой почве, переделывает старое и постепенно освобождается от него.

Все эти особенности советского общества, глубоко раскрытые в трудах В. И. Ленина, имеют большое значение для выяснения главных особенностей советской литературы.

Советская действительность определила характер революционной литературы, ее пафос утверждения новых общественных отношений, пафос строительства социалистического общества и сознательного преодоления жизненных противоречий на путях этого строительства.

В новой литературе должна была получить и получила широкое отражение революционная тема.

В «Железном потоке» А. Серафимовича, «Чапаеве» Д. Фурманова, «Восемнадцатом годе» А. Толстого, «Разгроме» А. Фадеева, стихах Д. Бедного ярко представлен героизм народа в годы гражданской войны, тот богатейший революционный опыт масс, который и в дальнейшем мирном строительстве учил понимать решающую роль народа в историческом движении, силу дисциплины и организованности, руководящую роль пролетариата и его партии. В романах «Тихий Дон» М. Шолохова, «Барсуки» Л. Леонова, «Города и годы» К. Федина отобразены сдвиги в жизни крестьянства и интеллигенции в годы гражданской войны. Велика была роль Маяковского в художественном утверждении завоеваний революции, в сближении литературы с новой действительностью. В то время как некоторые его собратья по перу жили в камерном мирке переживаний интеллигента — пассивного созерцателя тревог и бурь революции, в то время как некоторые писатели отказывались от изображения современной действительности, ожидая, когда «отстоится» и «отлежится» материал сегодняшнего дня, Маяковский смело насыщал свою поэзию новым, революционным содержанием, обращаясь к живым вопросам современной общественно-политической жизни.

Большое значение в литературе приобретала тема труда. Литература вторгалась в жизнь народа, строившего социализм, раскрывала внутренний мир людей творческого труда. Уже в 20-е годы эта тенденция нашла свое отражение в ряде произведений Маяковского и Бедного, «Доменной печи» Н. Ляшко, «Цементе» Ф. Гладкова, «Лесозаводе» А. Караваевой, «Соти» Л. Леонова, очерках «По Союзу Советов» М. Горького.

Новое в нашей жизни выражалось во внутренних, глубинных переменах в обществе, в изменившихся отношениях людей друг к другу, в победе новой идеологии и сложном процессе перестройки психологии людей. Настоятельно выдвигалась проблема нового героя нашей литературы, человека из «массы», который силой своего разума и энергией своего труда преобразовывал действительность и сам менялся в процессе труда и борьбы.

Литература создавала типические образы людей нашего времени и тем самым оказывала огромное воздействие на миллионы читателей, воспитывая в них качества нового человека, помогая в борьбе с пережитками капитализма в сознании людей. Советские писатели создали художественные образы большого социально-психологического значения: Чапаев и Клычков, Глеб Чумалов и Морозка, Григорий Мелехов и Кор-

чагин, Телегин и Давыдов, комиссар из «Оптимистической трагедии», Любовь Яровая и многие другие.

Отражение советской действительности, всего того нового, что возникло и укрепилось в жизни народа после Октября, считал главной задачей литературы Горький. Он настойчиво повторял, что советской литературе следует полным голосом говорить о «наших достижениях».

Не раз Горький разъяснял различие между направленностью творческого труда писателей, живших (и живущих) в условиях буржуазного общества, и современных революционных писателей Советской страны. Величайшие писатели классического реализма, выражавшие в свое время благородные общественные идеалы и стремления, в своей творческой практике «специализировались» на критике современного им эксплуататорского общества, на изображении отрицательных явлений жизни. Горький писал: «Именно за это — за критицизм, выраженный в образной форме,— Ленин одобрял Толстого, Энгельс—Маркс одобряли Бальзака».¹ Реализм классиков был «критическим реализмом». Это не означает, что классики ограничивались исключительно лишь задачами критики общественного строя. Нет, они всесторонне анализировали современное общество, шли в ногу с веком и выражали положительные идеалы и передовые стремления людей своего времени. Не забывая этого, Горький в то же время подчеркивал, что представители самого передового, самого плодотворного направления в реалистической литературе прошлого видели свою главную задачу в критике существующего общества с точки зрения своих идеалов, с позиции передовых идей. И в этом, действительно, легко убедиться, обратившись не только к их произведениям, но и к их высказываниям о задачах литературы.

Советская литература не отказывается от критики: в социалистическом реализме, отмечал Горький, «критика обращена на прошлое и отражение прошлого в настоящем».² Борьба с классовыми врагами, обличение «нового мещанина», преодоление пережитков индивидуализма — об этом и о многом другом не раз напоминал Горький, касаясь задач литературы. Но роль советских писателей не сводится к критике отрицательных явлений, к фиксации жизненных противоречий. «Их задача,— писал он,— изучать, оформлять, изображать и тем самым утверждать новую действительность».³ Эту же мысль Горький повторит еще не раз: «Наш реализм имеет возможность и право утверждать, . . . основная его задача — утверждение социализма путем образного изображения фактов, людей и взаимоотношений людей в процессах труда».⁴

В середине 30-х годов Горький дал следующее определение реализма нового типа, утвердившегося в советской литературе: «Социалистический реализм есть отражение реальности социализма, уже частично осуществленного энергией пролетариата — диктатора в различных формах промышленности и сельского хозяйства».

«Социалистический реализм, отражая влияние новых форм труда и быта, утверждает их как сущее, освещает их смыслы, этим и способствует процессу дальнейшего становления социализма».⁵

В этом определении на первый план выдвинута социологическая сторона: в идейных позициях и жизненном содержании видел Горький прежде всего новое качество литературы революционной эпохи.

¹ М. Горький, Собрание сочинений в 30 томах, т. 30, Гослитиздат, М., 1955, стр. 294.

² Там же.

³ Там же, т. 25, стр. 110.

⁴ Там же, т. 30, стр. 294.

⁵ Архив А. М. Горького, т. III, Гослитиздат, М., 1951, стр. 213

Утверждать — значит видеть мир не в статике, а в динамике. Ведь новая действительность — это живой процесс движения вперед, в будущее. Горький считал, что характерной чертой социалистического реализма является его устремленность в коммунистическое будущее, «высокая точка зрения», дающая возможность увидеть дали, которые не видны в пределах привычных горизонтов, — ленинское «умение смотреть на настоящее из будущего».¹ Эта устремленность вперед, берущая начало еще в классической литературе («Что делать?» Н. Г. Чернышевского), находит развитие в пролетарской («Мать» М. Горького), а затем в советской литературе. Эта «высокая точка зрения» писателя нашей эпохи выражена и в «Разгроме» А. Фадеева (девятнадцать закаленных в испытаниях бойцов готовы к новым, еще более трудным боям), и в «Необыкновенном лете» К. Федина (Извеков учится действовать в настоящем — в годы гражданской войны — в соответствии с потребностями будущего), и в «Поднятой целине» М. Шолохова (Давыдов думает, смотря на детей: «Хорошую жизнь им построим, факт!» — и ему представляется их будущее, ради которого он живет и трудится), и в «Бане» Маяковского, где автор раскрывает большие горизонты истории и таким образом обнаруживает мизерность и обреченность носителей косности и бюрократизма вроде Победоносикова и Оптимистенко, мнящих себя «вечными» и всесильными.

Идейно-воспитательные, идеологические качества советской литературы делают ее могучим средством, по словам Горького, возбуждения «социалистического, революционного миропонимания, мироощущения».²

В горьковских высказываниях четко и определенно говорится о главной особенности советской литературы, порожденной самим характером нового общества, сознательно строящего социализм. Советская литература продолжает прогрессивную, гуманистическую традицию литературы прошлого — утверждение лучших человеческих качеств — в новых условиях, когда перед людьми открылись *реальные* возможности осуществления светлой мечты благороднейших умов и вековых стремлений человечества.

2

Горьковское положение об утверждающем характере социалистического реализма иногда истолковывается узко и субъективно, что приводит отдельных литературоведов к неоправданным заключениям. Остановлюсь на двух примерах.

В своем докладе о проблемах социалистического реализма на дискуссии о реализме, состоявшейся в Москве (апрель 1957 года), В. Щербина высказал следующую мысль: «Социалистический реализм очень часто в большинстве работ у нас определен утверждающим, в отличие от критического реализма прошлого. Не в этом их подлинное различие».³

По мнению В. Щерины, защитники положения об утверждающем характере социалистического реализма считают, что «раньше не было в литературе положительного, утверждающего начала, героических характеров, идеи революционного развития исторической действительности, изображения роли народа, а в социалистическом реализме они появились».⁴ Игнорируя первоисточник, т. е. Горького, В. Щербина критикует некие вульгаризаторские истолкования горьковских формулировок, по-

¹ М. Горький, Собрание сочинений, т. 30, стр. 302.

² Там же, стр. 382.

³ В. Р. Щербина. Проблемы социалистического реализма. М., 1957, стр. 16.

⁴ Там же, стр. 15.

лагая, что таким образом он доказывает «умозрительность» и «схематичность» самого положения об утверждающем характере социалистического реализма. Однако извращение какого-либо принципа вовсе не означает несостоятельности самого принципа.

Б. Реизов в своей статье, опубликованной в журнале «Вопросы литературы», касается этого вопроса в другой связи. Он критикует узкое и одностороннее представление о классическом реализме XIX века как о реализме без идеалов, без мечты и неожиданно «корень зла» находит в самом термине «критический реализм». Термин этот, утверждает Б. Реизов, «подсказывал» ошибочное понимание литературы XIX века как литературы без идеалов, без положительных героев, толкал исследователей к преуменьшению ее достижений, сводил многообразие и богатство классической литературы к некоему «сомнительному единству», которого в действительности не было. Мало того, по мнению Б. Реизова, представление о классической литературе как литературе критического реализма содействовало тенденциям противопоставления классической литературы литературе социалистической и сейчас даже может «помешать развитию советской литературы и советского литературоведения».¹

Конечно, если бы точка зрения советских литературоведов на классическое наследие совпадала с точкой зрения, выраженной некогда критиком А. Гурвичем, который как раз и обосновывал вульгарное представление о классической литературе, как о литературе без положительных героев и идеалов, то в таком случае автор статьи был бы прав. Но ведь это не так. Литературоведы придерживаются того взгляда, что пафосом, преобладающей чертой передовой литературы XIX века являлась критика существовавшего общества, пробуждение и развитие общественной активности в борьбе за коренные социальные преобразования, за изменение существовавшего порядка вещей. Условия эксплуататорского общества порождали литературу именно такого типа, такой устремленности. Значит ли это, что литература только отрицала и ничего не утверждала? Нет. Она утверждала передовые идеи своего времени, лучшие качества человека, она была на стороне народа в его стремлении к освобождению от политического гнета и эксплуатации и порой активно поддерживала революционное движение, его героев и мучеников. Но самое утверждение положительного было пронизано мыслью о несовместимости его с основами существующего строя. В этом суть дела, в этом — различие между прогрессивной литературой, развивающейся в условиях буржуазно-дворянского общества, и литературой советской.

Б. Реизов призывает в своей статье к историческому подходу при рассмотрении литературы XIX века. Но принцип историзма как раз и обязывает исследователя видеть и находить главное, своеобразное в изучаемых явлениях различных эпох. Этот принцип, в частности, не позволяет исследователю делать вывод, что в литературе XIX века и в советской литературе одинаково и в равной степени выражены и критика, и утверждение. Право же, такой вывод был бы неисторичен! Не слишком ли торопятся некоторые писатели, критики и литературоведы отказаться от горьковского термина «критический реализм», весьма удачно определяющего сущность передовой реалистической литературы XIX века и имеющего свое прочное основание в эстетических концепциях Белинского, Чернышевского и Добролюбова?

Иногда, возражая против положения об утверждающем характере советской литературы, говорят: наша литература не может быть «одно-

¹ Б. Реизов. О литературных направлениях. «Вопросы литературы», 1957, № 1, стр. 102, 103.

боко» утверждающей, она должна быть вместе с тем отрицающей. Конечно, утверждающий характер литературы социалистического реализма вовсе не состоит в «обязательном» изображении исключительно положительных явлений и тем более в создании одних лишь гимнов и дифирамбов, в замалчивании препятствий, встречающихся на пути развития общества. Ведь помочь победе нового можно лишь в том случае, если старое будет устранено, сметено, если новому будет расчищен путь. Это совершенно ясно, и советская литература дала замечательные примеры трезвого учета реальных условий, помогающих или мешающих победе нового, глубокого анализа трудностей и недостатков социалистического строительства, страстного разоблачения враждебных народу сил, критики плохих традиций и привычек в жизни советских людей. Достаточно вспомнить, например, «Баню» В. Маяковского, пьесу М. Горького «Сомов и другие», «Тихий Дон» М. Шолохова, «Русский лес» и «Золотую карету» Л. Леонова, «Кто смеется последним» К. Крапивы, «Великую силу» Б. Ромашева, ряд очерков В. Овечкина. В этих произведениях выражен утверждающий пафос нашей литературы, новое показано не в придуманных «идеальных» условиях, когда остается только самотеком и без усилий подвигаться вперед по пути прогресса и самосовершенствования, а в обстановке трудных жизненных коллизий и увлекательных дел, требующих от человека огромного напряжения ума, выдержки, упорства, страсти, дерзания.

Изображение положительных явлений, естественно, не должно быть схематичным. Перевоспитание людей происходит в сложных, порой суровых условиях реальной жизни, и наша литература это прекрасно показала (таков, например, путь героев «Хождения по мукам»).

Понимание утверждающего пафоса социалистического реализма не имеет ничего общего с ориентацией литераторов на бездумное воспевание всего без исключения в советской действительности. В истории советской литературы были случаи, когда панегирическое отношение к действительности выдавалось за утверждение нового. Но разве могут отдельные отклонения от правильного метода дискредитировать сам метод? Напротив, эти отклонения только рельефнее подчеркивают главную задачу искусства — оставаться трезвым в раскрытии реальных трудностей и недостатков, смотреть на них с точки зрения передовых советских людей, заинтересованных в их искоренении и преодолении, убедительно показывать несовместимость их с основными началами советского общества, с социалистическим идеалом, с тем подлинно новым, что побеждает в нашей жизни.

Современная тематика является основной, главной, но ею литература, естественно, не ограничивается. Советский писатель, говорил Горький, является не только «акушером», но и «могильщиком». Изображение прошлого и его пережитков играет большую роль в успешном выполнении писателем этой второй функции. Ярким примером этому служит творчество Горького советского периода. Как известно, в крупнейших произведениях Горького этого времени изображалось преимущественно дореволюционное прошлое. Но утверждающее начало в творчестве великого писателя ощущается определенно и ясно в самой его социальной, классовой позиции, в его идеалах и той высокой точке зрения, которая позволяет ему показывать прошлое в свете реальной исторической перспективы движения человечества к победе коммунизма. В творчестве Горького решались волновавшие современников проблемы мирового значения русской революции, роли масс в истории, взаимоотношений масс и героев, интеллигенции и народа, проблемы нового, социалистического гуманизма.

Творчество Горького учило советских писателей «тому, чему не мог учить опыт русской классической литературы: изображению людей и событий эпохи революционной ломки человеческих отношений, утверждению социалистического идеала, утверждению с позиций революционного пролетариата новых форм жизни, нового общественного строя».¹

Художник социалистического реализма изображает и положительное и отрицательное с позиций социалистической идейности, ради утверждения положительного, ради защиты основ социализма. Решающее значение имеют общественная и эстетическая позиция художника, его мировоззрение и идеалы, его вера в творческие силы народа, строящего коммунизм, его способность смотреть на явления жизни перспективно. Решающее значение имеет партийность художника.

3

В последнее время раздавались справедливые предостережения относительно того, что вопрос о партийности литературы нельзя решать «упрощенно», «прямолинейно», что партийность художника слова нельзя сводить к декларативности, к прямому выражению политических идей и т. д. Безусловно, партийность проявляется в самой художественной специфике, в отборе писателем тех или иных фактов, в их освещении и истолковании, в самом пафосе и в эмоциональной окраске изображаемого, в эстетическом идеале, с точки зрения которого он утверждает или отрицает те или иные явления действительности.

Говорилось также часто и о том, что партийные позиции в творчестве различных советских писателей выражаются по-разному. Писатели обладают своим оригинальным подходом к изучению мира, своей особенной манерой обобщать жизненные явления, неодинаковым интересом к тем или иным сторонам жизни. Опираясь на богатейшие традиции мировой литературы и развивая их, писатели разрабатывают современные проблемы и выражают коммунистические идеи в самых различных формах искусства, литературных манерах, в различном охвате социально-бытовых и психологических явлений, в различных формах реалистической типизации (социально-бытовой, философско-фантастической, лирической, сатирической и т. д.). Все это реальное богатство и многообразие является характерной чертой социалистического искусства, ибо богатство новой жизни и силу нового художественного видения невозможно раскрыть в искусстве однообразном, подогнанном под одну мерку, хотя бы и хорошую.

В советской литературе есть примеры вдохновенного, прямого выражения идеи утверждения социализма, как, например, «Хорошо!» Маяковского, «По Союзу Советов» Горького; но наряду с ними есть у нас и произведения М. Пришвина, рисующие человека в мире природы и таким путем выражающие мироощущение нового человека, и «Педагогическая поэма» А. Макаренко, повествующая о том, как у людей, попавших в преступную среду, пробуждается под влиянием условий советской жизни потребность в честном труде, и эпический цикл романов «Преображение» С. Сергеева-Ценского, показывающий, как самими условиями исторической действительности накануне Октября русские люди самых различных слоев подготовлялись к восприятию идеи революции, и народно-историческая эпопея М. Шолохова о людях полупатриархального, замкнутого Дона, с большим трудом приходивших в период революции к верным решениям больших вопросов жизни. Нет надобности подробно

¹ Очерк истории русской советской литературы, ч. I, Изд. АН СССР, М., 1954, стр. 107.

перечислять богатства советской литературы — они у всех на виду. Во всех этих разнородных явлениях новой литературы по-своему выражена высокая человечность, глубокие философские раздумья, пытливость и смелость в решении вопросов жизни, внимание к самым сложным сторонам действительности, умение по-новому подойти к творческой задаче воспроизведения действительности во всей ее истине.

Подлинно творческий подход к искусству исключает иллюстративность и делает произведения художника оригинальными, отличающимися своим особенным художественным почерком, своей неповторимой манерой, стилем.

Все это верно. И однако же сказать только это о партийности, об идейности советского писателя недостаточно.

Нужно говорить не только о своеобразии литературы в ряду других идеологических форм, но и о том общем, что объединяет литературу с последними. Нужно говорить не только об эстетическом идеале, но и об идеале общественно-политическом.

Вспомним, как раскрывает и характеризует социалистический принцип партийности литературы В. И. Ленин в своей известной статье «Партийная организация и партийная литература».

В некоторых критических статьях последнего времени, после беглого упоминания связи социалистической литературы с классовой борьбой, с политикой партии, подробно и обстоятельно разъяснялись слова В. И. Ленина о том, что «литературное дело всего менее поддается механическому равнению, нивелированию, господству большинства над меньшинством», что в области литературы «безусловно необходимо обеспечение большего простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию». Слова эти превращались чуть ли не в основной тезис статьи Ленина. А ведь вслед за этим Ленин пишет: «Все это отнюдь не опровергает. . . положения, что литературное дело должно непременно и обязательно стать неразрывно связанной с остальными частями частью социал-демократической партийной работы» (т. 10, стр. 28). Мысль о необходимости партийного руководства литературой — вот важнейший, основной тезис статьи.

Статья Ленина направлена в особенности против «буржуазно-интеллигентского» карьеризма, против «буржуазных индивидуалистов», против «литераторов-сверхчеловеков».

«Мы хотим, — писал Ленин, — создать и мы создадим свободную печать не в полицейском только смысле, но также и в смысле свободы от капитала, свободы от карьеризма; — мало того: также и в смысле свободы от буржуазно-анархического индивидуализма.

«Эти последние слова покажутся парадоксом или насмешкой над читателями. Как! закрывает, пожалуй, какой-нибудь интеллигент, пылкий сторонник свободы. Как! Вы хотите подчинения коллективности такого тонкого, индивидуального дела, как литературное творчество! Вы хотите, чтобы рабочие по большинству голосов решали вопросы науки, философии, эстетики! Вы отрицаете абсолютную свободу абсолютно-индивидуального идейного творчества!» (т. 10, стр. 29).

«— Успокойтесь, господа!» — пишет далее Ленин и поясняет, что, во-первых, речь идет о подчинении партийному контролю партийной литературы (вспомним, что статья написана в 1905 году), во-вторых, что вопли о свободе буржуазного художника есть лицемерие, что свобода буржуазного художника есть замаскированная зависимость его от денежного мешка. Этой «лицемерно-свободной» литературе большевистская партия противопоставляет «действительно-свободную, открыто связанную с пролетариатом литературу» (т. 10, стр. 30).

Таким образом, пафос ленинской статьи — в доказательстве того, что литература должна стать частью общепролетарского дела, в том, что только в тесной и прямой связи с революционным классом она обретает подлинную свободу. Руководящая мысль статьи — мысль о партийном руководстве литературой. Об этом некоторые авторы (А. Крон, Б. Назаров, О. Гриднева и др.) предпочитали не говорить. Они ставили «акценты» не там, где нужно, и под предлогом борьбы с последствиями культа личности и догматизмом пытались уверить читателей, будто ленинский принцип партийности литературы состоит чуть ли не в том, что писатель должен быть «свободен» от общества, от партийного руководства.

Вопрос о коммунистической партийности Ленин касается не только в дореволюционных, но и во многих послеоктябрьских работах. В них мы находим и напоминание о важнейших положениях марксизма по этому вопросу, и некоторые новые аспекты в его освещении, вызванные условиями пореволюционной действительности.

После победы Октябрьской революции партия, став правящей, могла поставить перед собой задачу руководства всей областью литературы (а не только литературой партийной). В ряде своих выступлений В. И. Ленин говорит об этом и практически налаживает партийное руководство литературой.

Ленин резко критикует всякого рода ложные тенденции (в профсоюзах, кооперации, Пролеткульте) к «независимости» от партии, от советского государства. Он подчеркивает, что признание главенства партии, накопившей несравненный революционный опыт, завоевавшей громадный политический и моральный авторитет среди народа, имеющей за собой «полное сочувствие и единодушие» всех трудящихся, является в Советской стране основой деятельности всех учреждений и организаций, всех трудящихся, интеллигенции, писателей. Не все писатели, как известно, сразу поняли эту истину, отрешились от бывшего противопоставления литературы действительности, писателя — государству и правящей партии. Но истина пробивала себе дорогу, и писатели все яснее осознавали ее, принцип партийности становился ведущим в их деятельности.

Быть партийным значит уметь подходить к делу с точки зрения марксистской теории классовый борьбы, т. е. с политической точки зрения, ибо, говорил Ленин, «политика — это борьба между классами» (т. 31, стр. 346), а вывод политический — это вывод, «касающийся отношений между классами» (т. 32, стр. 155). Овладение основами марксистского классового анализа стало общегосударственной задачей, одним из важнейших элементов воспитания людей в духе коммунизма. Партия учила массы, учила интеллигенцию, в том числе писателей, видеть классовую борьбу не только в таких ее очевидных проявлениях, как гражданская война, борьба с кулацким саботажем, с вредительством, но и в идеологической сфере — в борьбе различных взглядов, в оценке роли и значения тех или иных общественных явлений. Ленин указывал, что наша основная задача состоит в том, чтобы «в противовес буржуазной «правде» противопоставить свою правду и заставить ее признать» (т. 31, стр. 339).

Наконец, Ленин говорил, что политика в новых исторических условиях не сводится только к формам борьбы с враждебными классами, с их влиянием в идеологии. Ленин выдвигал понятие «политики экономики», т. е. принципиальную линию в экономическом строительстве, в создании новых общественных отношений социалистического характера. Быть партийным значит целеустремленно вести положительную работу, подвиги

гающую вперед дело социалистического строительства, дело Октябрьской революции.

В этих ленинских высказываниях раскрывается существо принципа партийности в новых исторических условиях.

Из этих высказываний следует, что быть партийным — это значит понимать связь своей идейно-творческой работы с политикой Коммунистической партии, работать под руководством партии, быть бойцом на идеологическом фронте, это значит уметь творчески применять марксистский классовый анализ при изучении явлений действительности и активно бороться с неправильными, идеалистическими, догматическими представлениями о жизни, это значит, наконец, хорошо знать жизнь народа, строящего коммунизм, и своим творческим трудом активно содействовать социалистическому строительству.

Разумеется, свои идейные позиции художник слова выражает при помощи создаваемых им образов, но специфика искусства не должна заслонять главного в вопросе о партийности литературы.

4

Глубокое и всестороннее обоснование ленинского принципа партийности литературы и утверждающей роли ее дано в известных постановлениях ЦК КПСС по вопросам литературы и искусства. Партия призвала советских художников широко изображать советскую жизнь в ее революционном развитии, быть близкими к народу, поддерживать все новое, передовое в жизни, непримиримо бороться с пережитками старого общества, с буржуазными влияниями в идеологии, правильно ориентироваться в новых, сложных условиях послевоенной действительности, в обстановке обострившейся борьбы двух систем. Постановления партии имели огромное действительное значение. Самая устремленность лучших произведений послевоенного десятилетия, возникших в результате глубоких наблюдений писателей над жизнью, размышлений над живыми и волнующими проблемами современности, связана с духом этих документов. Это ясно всякому непредубежденному читателю таких произведений последних лет, как «Русский лес» Л. Леонова, «Необыкновенное лето» К. Федина, «Журбины» В. Кочетова, «Донбасс» Б. Горбатова, «Калиновая роща» А. Корнейчука, «Годы странствий» А. Арбузова и т. д.

Необходимость обоснования утверждающего характера советской литературы вызывалась самим развитием литературы, имеющей богатые традиции и творческий опыт, задачей преодоления отдельных идейных шатаний в литературе, необходимостью критики произведений, лишенных положительных жизнеутверждающих идей.

С отклонением от традиций социалистического реализма мы столкнулись и в последнее время. Как известно, начиная с 1952 года партийная печать, советская общественность решительно повели борьбу, в целях утверждения жизненной правды в искусстве, с попытками «облегченного», идиллического показа современной жизни. Эту здоровую тенденцию борьбы с фактами слащавого бытописательства некоторые литераторы, однако, стали так «заострять» и «подстегивать», что начали впадать в крайность. Более того, обнаружилось и явное стремление извратить эти призывы и направить развитие литературы по ложному пути, что вывилось особенно наглядно в 1956 и в начале 1957 года в журнале «Новый мир» и в альманахе «Литературная Москва». Под флагом борьбы с последствиями культа личности здесь были сделаны попытки пересмотреть основополагающие принципы советской литературы: гово-

рили, что «на данном этапе» главным для нашей литературы должно быть не утверждение, а критика. Высказывались фальшивые «опасения», что подчеркивание утверждающего характера советской литературы якобы влечет за собой ослабление критической силы нашей литературы и ориентирует ее на «однобокое» воспевание наших достижений, на изображение одного лишь «вдохновенного подъема», одних лишь «грандиозных подвигов». Во избежание этого предлагалось придать литературе преимущественно критический характер и показывать главным образом трудности и недостатки современной жизни (см. статью К. Симонова «Литературные заметки» в журнале «Новый мир», 1956, № 12). Под видом требования «реализма суровой правды», «строгого и беспощадного реализма» пропагандировалось одностороннее обличительство. Критик А. Горелов в своих статьях, опубликованных в «Звезде» и затем собранных в книге «Подвиг русской литературы», сделал чуть ли не основным критерием оценки произведений отражение в них отрицательного; так, герои «Разгрома» А. Фадеева для него хороши потому, что партизаны «даны во всей неприглядности мелочей, привычек, пороков прожитой ими жизни». Когда он не усматривал в произведении должной «дозы» отрицательного, он выражал недовольство этим, говоря, например, что повести «Глубынь-Городок» Л. Обуховой не хватает «едкой щелочи отрицания».

Некоторые литераторы одно время усиленно обличали некую опасность заполнения нашей литературы образами «идеальных» героев. Когда ныне пересматриваешь вышедшие в свет за последние годы произведения, то видишь, что реальной опасности наводнения литературы «идеальными» героями не существовало. Не была ли вся эта жаркая полемика лишь своеобразной формой обоснования «обличительного» направления?

В тесной связи с этой линией «критицистов» — линией одностороннего выискивания отрицательных явлений и недостатков в нашей жизни — под флагом борьбы «за живого человека в литературе» развивался мелко-травчатый бытовизм, ограниченный узкой сферой жизни, погруженный преимущественно в обывательские пересуды и «мелочи жизни».

Дело не ограничилось одними «литературными манифестами» ревизионистского содержания: начиная с 1954 года время от времени публиковались произведения в духе этих высказываний — повесть «Оттепель» И. Эренбурга, пьеса Л. Зорина «Гости», роман В. Дудинцева «Не хлебом единым», поэма С. Кирсанова «Семь дней недели», рассказы А. Яшина «Рычаги» и Д. Гранина «Собственное мнение», некоторые стихи М. Алигер — произведения, проникнутые гнилым скептицизмом, чернящие нашу действительность, основывающиеся на безграмотной в теоретическом отношении и клеветнической по существу своему концепции «борьбы инициативного с бюрократизмом» как основного содержания социальных конфликтов в современной советской действительности.

Сторонники «обличительной» тенденции в литературе таким образом пожелали сделать упор на критике недостатков и отрицательных явлений в нашей жизни. Они говорили: литература имеет право сосредоточивать свое внимание на художественном исследовании отрицательных явлений; литература должна отражать жизненные противоречия эпохи. Спору нет, всем этим должны заниматься писатели. Это — просто их долг.

Партия всегда подчеркивала значение критики в борьбе за социализм. Мы боремся с пережитками старого общества. Мы боремся с извращением нового строя, с нарушениями социалистической демократии,

с плохим использованием замечательных возможностей новой общественной системы.

Но Ленин всегда обращал внимание на то, *как* именно критикуются отрицательные явления в нашей жизни, *во имя чего* сосредоточивается огонь критики на ошибках и недостатках. Ленин говорил, что надо ставить вопрос «не только о свободе критики, но и о ее содержании» (т. 31, стр. 398). Критика должна помогать нашей работе, укреплять новый строй. Поэтому нужно добиваться того, «чтобы критика велась по существу дела, отнюдь не принимая форм, способных помочь классовым врагам пролетариата» (т. 32, стр. 219). Особенно нетерпим был Ленин по отношению к тем, кто заменял критику критиканством и демагогией, кто использовал лозунги критики и самокритики для составления односторонних суждений, в целях дешевой сенсации, наконец, чтобы посеять сомнения в отношении нового строя. По поводу раздававшихся порой «крикливых фраз» о засилье бюрократизма в советском аппарате Ленин говорил: «Всякий знает, что Октябрьская революция на деле выдвинула новые силы, новый класс,— что лучшие представители пролетариата теперь управляют Россией, создали армию, вели ее, создали местное управление и т. д., руководят промышленностью и пр. Если в этом управлении есть бюрократические извращения, то мы этого зла не скрываем, а разоблачаем его, боремся с ним. Кто из-за борьбы с извращением нового строя забывает его содержание, забывает, что рабочий класс создал и ведет государство советского типа, тот просто не умеет думать и бросает слова на ветер» (т. 33, стр. 5).

Существенно замечание Ленина относительно ходячего «легонького» скептицизма: «скептицизм этот прикрывает обычно отсутствие серьезного размышления о предмете» (т. 33, стр. 217).

К оценке отрицательных явлений в нашей жизни надо подходить трезво, объективно. Ленин писал одному из литераторов по поводу его статей: «Вы дали себя *подавить* известному числу печальных и горьких фактов и потеряли способность *трезво* учесть силы» (т. 32, стр. 481). В другом случае Ленин отмечал:

«По-моему, все же таки у автора преобладает личное раздражение, отнявшее способность обсуждать события с массовой точки зрения и с точки зрения их действительной последовательности» (т. 29, стр. 205).

Противоречия, отрицательные явления в нашей жизни требуют столь же глубокого, объективного осмысления, как и положительные явления, успехи. Через критику недостатков к укреплению нового строя — такова цель раскрытия противоречий и критики отрицательных явлений советской действительности.

Нечего и говорить о том, что авторы указанных выше произведений не поняли ленинских указаний по вопросам критики и самокритики. Их критика не помогла нашей работе, не укрепляла нового строя, в ней звучали «крикливые фразы» и порою выражался обывательский скептицизм людей, оказавшихся в плену мелкобуржуазных представлений о демократии.

«Очернительная» тенденция развивалась вразрез с коренными традициями социалистического реализма и стала приносить всё более ощутимый вред нашему народу, нашей культуре.

Буржуазная пропаганда за рубежом любит раздувать наши недостатки и ошибки. Воспользовавшись развернувшейся у нас критикой недостатков, буржуазная печать выступила с нападками на социалистический реализм. Советская литература объявлялась в целом идеализаторской, отходящей от правды жизни, лакирующей «суровую реальность». Конечно, тактика этих фальшивых рыцарей «правды» была понятна: они

хотели бы критику культа личности превратить в критику социализма, в критику самых основ советского общества. Буржуазия замалчивает, скрывает от народа своих стран хозяйственные и культурные достижения Советского Союза, великие достоинства советских людей, распространяет лживые представления о нашей жизни, о нашей стране, стремясь ослабить, парализовать влияние успехов социализма на умы людей всего мира, на борьбу трудящихся за свое освобождение.

На этом международном «фоне» по меньшей мере близорукими выглядели некоторые советские литераторы, усердно пытавшиеся толкнуть литературу на неправильный путь одностороннего выискивания недостатков и замалчивания всего положительного в нашей жизни.

Партийная печать, писательская общественность подвергли суровой критике идейные шатания отдельных советских литераторов, их ревизионистские выступления, их беспомощные схоластические рассуждения о критическом и утверждающем началах в литературе, их отход от ленинского принципа партийности. Огромную помощь литераторам оказала Коммунистическая партия. В ряде выступлений Н. С. Хрущева была дана оценка положения в области литературы, отмечены недостатки в деятельности советских писателей и указаны пути дальнейшего роста литературы и искусства. Н. С. Хрущев подчеркнул, что только в тесной связи с жизнью народа может успешно развиваться литература, что писатель, не знающий того, что делает народ, о чем народ думает, не способен создать подлинные художественные ценности. Писатель, стоящий на партийных позициях, найдет достаточно хороших примеров из жизни народа, сумеет, противопоставив положительное отрицательному, поддержать положительное, правдиво и ярко его показать. Ведь именно «положительное, новое и прогрессивное в жизни и составляет главное в бурно развивающейся действительности социалистического общества».¹

В нашей действительности имеются трудности и недостатки, их нельзя замалчивать, отрицательные явления нужно критиковать, но весь вопрос в том, с каких позиций и во имя чего ведется критика. «Мы вскрываем и критикуем недостатки и ошибки,— сказал Н. С. Хрущев,— для того, чтобы устранить их как помеху на нашем пути, чтобы еще более укрепить наш советский строй, позиции Коммунистической партии, обеспечить новые успехи и более быстрое движение вперед».²

Важное значение имеют замечания Н. С. Хрущева о народности и партийности. Эти понятия нельзя противопоставлять, они неразрывны: «Кто хочет быть с народом, тот всегда будет с партией. Кто прочно стоит на позициях партии, тот всегда будет с народом».³

В некоторых произведениях последнего времени (в особенности в романе «Не хлебем единым» В. Дудинцева) подспудно проводилась мысль, будто партийное — это еще не народное, будто партия находится где-то «вверху», над народом. Именно поэтому В. Дудинцев в своем романе так тщательно обходит естественно возникающий вопрос о роли партии, партийных организаций в борьбе за развитие изобретательства, представляет дело таким образом, будто в нашей стране «герои» борются с гидрой бюрократизма, с монополистами от науки в одиночку, рассчитывая только на свои слабые силы.

Коммунистическая партийность является высшим выражением подлинных интересов народа, и поэтому проблема народности литературы, изолированная от проблемы партийности, неизбежно приобретает из-

¹ Н. Хрущев. За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа. «Коммунист», 1957, № 12. стр. 22.

² Там же, стр. 23.

³ Там же, стр. 24.

вращенный характер. Было бы заблуждением считать народным только то, что присуще «простым» людям, то, что выходит из глубин стихийной народной жизни. Еще передовые русские писатели XIX века понимали под народностью литературы также борьбу художника слова за просвещение народа, за преодоление в нем слабого и ограниченного, за развитие его сознательности и общественной активности.

Н. С. Хрущев дал отпор нападкам ревизионистов и обывателей на партийное руководство литературой. Партия не может оставить без руководства область искусства и литературы, играющую такую громадную роль в духовной жизни нашего народа, в воспитании людей. Всякое ослабление руководства со стороны партии литературой ведет к возрождению буржуазно-анархических идей «абсолютной свободы» творчества, открывает дверь влиянию буржуазной модернистской литературы, наносит ущерб развитию реализма, развитию социалистической литературы.

Исходя из богатейшего опыта нашей литературы, партия поддерживает главную линию ее развития и тем самым помогает писателям усилить роль литературы в борьбе за коммунизм, поднять ее идейный и художественный уровень.

Сорокалетний путь развития советской многонациональной литературы — и в первую очередь русской литературы — показывает ее новаторские черты. Победа Октябрьской революции открыла новую фазу человеческой истории, и литература социалистического реализма правдиво рассказывает об этом. Советская литература утверждает новую действительность, укрепляя веру в то, что новое в нашей жизни будет успешно развиваться и в дальнейшем, что будущее принадлежит коммунизму. В этом ее пафос, в этом основа ее национального и мирового значения.

